

*Посвящается Полетт Годдар Ремарк**

* Полетт Годдар (1910—1990), известная американская киноактриса, исполнительница главных женских ролей в фильмах Чарли Чаплина «Новые времена» и «Великий диктатор». С 1936 по 1942 год была женой Чаплина, с 1958-го — жена Ремарка. (*Здесь и далее прим. пер.*)

1

Возле заправки, благо хоть там снег был расчищен, Клерфэ притормозил и посигналил. Над придорожными столбами гаддело воронье, в убогой мастерской за бензоколонкой кто-то с ожесточением колотил по железу. Грохот прекратился, из дверей вышел паренек лет шестнадцати, в красном свитере и круглых очочках в простой металлической оправе.

— Полный бак, — бросил Клерфэ, вылезая из машины.

— Экстра?

— Экстра. Поесть тут где-нибудь еще дадут?

Паренек большим пальцем ткнул через дорогу.

— Напротив. На обед у них сегодня бернское ассорти было. Вам цепи не снять?

— Это еще зачем?

— Для интересу. Там выше не дорога, а вообще каток.

— До самого перевала?

— До перевала не пропустят. Еще вчера проезд закрыли. А уж на такой-то спортивной букашке там вообще делать нечего.

— Вот как? — усмехнулся Клерфэ. — Ты меня, пожалуй, заинтриговал.

— Вы меня тоже, — отозвался паренек.

Трактир встретил его спертой духотой долгой зимы и прогорклого пива. Клерфэ заказал вяленый ростбиф, сыр и графинчик белого эгля. Попросил официантку накрыть ему на террасе. Вроде не особо холодно. Зато необъятность неба — во всю васильковую синь.

— Из планга вашу красотку не обдать? — через дорогу крикнул паренек с заправки. — Ей бы совсем не помешало.

— Не надо. Стекло только протри.

Давно не мытая машина и впрямь чуть ли не выставляла напоказ свою чумазость. Ливень, настигший ее за Экс-ан-Провансом, размазал красноземную пыль, густо облепившую капот и крылья на проселках Сан-Рафаэля цветастым узором аляповатого батиста, украсившегося затем хвостами известковых брызг из дорожных луж Центральной Франции и живописными кляксами грязи из-под колес то и дело обгоняемых грузовиков. «Чего ради я сюда мчался? — думал Клерфэ. — На лыжах кататься вроде бы уже не сезон. Из сострадания? Но сострадание — плохой попутчик, а уж как конечная цель маршрута и вовсе никуда не годится. Почему я не поехал в Мюнхен? Или в Милан? Но что я забыл в Мюнхене? И что в Милане? Или еще где? Я просто устал, — думал он. — Устал то ли оставаться неведомо зачем, то ли расставаться. Или просто устал решать — и не решаться. Хотя что мне решать, на что решаться?» Он допил вино и вернулся в трактир.

Официантка за стойкой протирала бокалы. Чувственная голова серны прямо над ней стеклянными глазами таращилась на рекламу цюрихской пивоварни на противоположной стене. Клерфэ достал из кармана аккуратную, в кожаном футляре, фляжку.

— Коньяком можете заправить?

— Курвуазье, реми-мартен, мартель?

— Мартель.

Девушка принялась отмерять коньяк порциями. Откуда-то взявшаяся кошка тем временем терлась об его ноги. Попросив еще две пачки сигарет и спички, он расплатился.

— Это у вас километры? — поинтересовался паренек в красном свитере, кивнув на спидометр.

— Нет, мили.

Малый почтительно присвистнул.

— Тогда что вы здесь, в Альпах, позабыли? В такой-то тачке — почему вы не на автостраде?

Клерфэ глянул на мальчишку. Отсвечивающие стекляшки очков, вздернутая пуговичка носа, прыщики, оттопыренные уши — словом, существо, только-только променявшее тоску детства на все издержки преждевременного взросления.

— В жизни, сын мой, не всегда поступаешь как надо, — изрек он. — Даже если понимаешь, что это неправильно. И в этом иной раз самый смак. Ты меня понял?

— Не-а, — отозвался мальчишка, шмыгнув носом. — Но телефоны спасения на перевале на каждом километре есть. Если застрянете — только позвоните. Мы вытащим. Вот наш номер.

— Может, у вас еще и сенбернары имеются, с фляжкой спиртного на ошейнике?

— Не-а. Коньяк нынче недешев, да и собаки стали хитрые. Сами нороят коньячком побаловаться. У нас зато теперь волы. Здоровые такие, кого хочешь вытащат.

Поблескивая очочками, парень как ни в чем не бывало выдержал его взгляд.

— Только тебя мне недоставало для полного счастья, — вздохнул Клерфэ. — Горец-самоучка, от горшка два вершка и двести метров над уровнем моря. Фамилия у тебя, случайно, не Песталоцци? Или, может, Лафатер?

— Не-а. Геринг.

— Как-как?

— Геринг. — Паренек ослабился, ничуть не стесняясь дырки вместо переднего зуба. — Но меня Губерт зовут.

— Случайно не родственник...

— Да нет, — отмахнулся парнишка. — Мы из базельских Герингов. Если бы из тех, разве бы я здесь, на бензоколонке, корячился? У нас бы пенсия была будь здоров.

Клерфэ задумался.

— Чудной день какой, — пробормотал он, помолчав. — Кто бы мог подумать? Бывай здоров, сын мой, удачи тебе. Ты, признаться, меня удивил.

— А вы меня нет. Вы ведь гонщик?

— Откуда ты знаешь?

Губерт Геринг кивнул на автомобильный номер на бампере, едва различимый под коростой грязи.

— А ты, я погляжу, еще и сыщик, — бросил Клерфэ, садясь в машину. — Может, лучше сразу тебя в каталажку упрятать, чтобы уберечь человечество от новых несчастий. Иначе потом, когда ты до премьер-министра дорастешь, поздно будет.

Он запустил мотор.

— С вас грошики причитаются, — невозмутимо заметил паренек. — Сорок два франка.

Клерфэ протянул деньги.

— Грошики! — передразнил он мальчишку. — Пожалуй, ты меня уже не так сильно пугаешь, Губерт. В стране, где так ласково говорят про деньги, диктатуре не бывать.

Час спустя машина встала. Снежный обвал проломил доски дорожного ограждения и завалил проезжую часть. Конечно, еще не поздно было повернуть и ехать обратно, но Клерфэ не горел желанием второй раз на дню встречаться с рыбьим взглядом Губерта Геринга. И вообще — не любитель он поворачивать назад. А коли так — он предпочел остаться в машине, покуривая сигареты, попивая коньяк, слушая карканье ворон и дожидаясь божьей помощи.

Какое-то время спустя та объявилась в виде небольшой снегоуборочной машины, с водителем которой Клерфэ разделил оставшийся коньяк. После чего тот поехал впереди, расчищая дорогу. Со стороны казалось, будто мощная циркулярная пила вгрызается в гигантский белый ствол поваленного дерева, взметывая над шоссе фонтаны снежных опилок, сверкающих в закатном солнце всеми цветами радуги.

Метров через двести они пробились на чистый асфальт. Снегоуборщик прижался к обочине, обгоняя его, Клерфэ видел, как водитель машет ему на прощание. Как и Губерт, малый тоже был в красном свитере и в очках. Вот почему в разговоре с ним Клерфэ от безопасных тем снега и выпивки старался не уклоняться; два Геринга за один день — это был бы уже перебор.

Губерт, кстати, его дурачил — перевал наверху закрыт не был. Машина уверенно рвалась в гору, и внезапно перед Клерфэ во всю ширь, в голубоватой дымке первых сумерек, запахнулась долина внизу и деревня с рассыпанными в ней, как в коробке с игрушками, белыми крышами домов, покосившейся колокольней, поблескивающими зеркалами катков, парочкой гостиниц и первыми огоньками света в окошках. Он даже машину остановил — поглядеть на все это. Потом петляющим серпантинном плавно покатил вниз. Где-то там, под ногами, в одном из санаториев обитает теперь Хольман, его второй пилот, который год назад вдруг заболел. Врач сказал — туберкулез, Хольман только посмеивался, мол, в век антибиотиков и всей этой магической плесени не бывает такой болезни, а если даже так — получи свою пригоршню таблеток, сколько-то там уколов — и, как говорится, будь здоров. Однако новомодные снадобья оказались вовсе не такими чудодейственными, как их нахваливали, по крайней мере, не для того, кто рос в войну и жил впроголодь. На тысячемильной гонке в Италии у Хольмана перед самым Римом открылось кровотечение, и Клерфэ пришлось ссадить его на

технической остановке. Врач настоял на лечении в горах, на пару месяцев. Хольман бушевал, но в итоге подчинился, и вот пара месяцев растянулась уже почти на год.

Мотор вдруг стал захлебываться. «Свечи! — мелькнуло у Клерфэ. — Будь они неладны!» А все оттого, что за рулем бог знает о чем думаешь, только не о дороге. Он переключился на нейтраль, дал машине скатиться вниз своим ходом и только внизу, на ровном месте, остановился, вылез и задрал капот.

Ну, конечно, как всегда, это были свечи, залило второй и четвертый цилиндры. Он их вывернул, снова ввинтил и запустил мотор. Машина завелась, и Клерфэ несколько раз выжал и отпустил педаль акселератора, удаляя из цилиндров излишки топлива — мотор взревел. А едва выпрямился — сразу увидел сани в парной упряжке: напуганные ревом мотора, лошади вздыбились и теперь неслись прямо на него. Он кинулся навстречу, схватил ближнюю кобылу под уздцы, повис, дал себя протащить...

Взбрыкнув еще пару раз, лошадки замерли. Они дрожали, все еще всхрапывая, пар их жаркого дыхания клубами застилал морды. Было что-то зверское, даже первобытное в их испуганно ширяющих глазах. Клерфэ осторожно отпустил удила. Лошади не шелохнулись, только фыркали, позвякивая бубенцами. Породистые, отборные лошади, не какие-нибудь гужевые клячи.

Рослый, крупный мужчина в черной меховой папахе, встав с облучка, ласковыми словами тоже пытался успокоить лошадей.

Подле него, судорожно вцепившись в подлокотники, сидела молодая женщина. Смуглое от загара лицо, очень светлые глаза.

— Сожалею, что напугал вас, — сказал Клерфэ. — Как-то не подумал, что здешние лошади все еще не привыкли к машинам.

Мужчина продолжал увещевать лошадок, потом наконец отпустил поводья и нехотя обернулся к нему.

— К машинам, от которых столько шума, да, не привыкли, — неприязненно бросил он. — Но уж как-нибудь я бы их удержал. Хотя спасибо, конечно, что вы спасать нас решили.

Вскинув глаза, Клерфэ узрел над собой надменную физиономию и встретил холодный взгляд, в котором читалась легкая издевка: лишь для вида сохраняя учтивость, возница явно потешался над его никчемным геройством. Даже и не припомнить, когда в последний раз он видел человека, до такой степени неприятного с первого взгляда.

— Я спасал вовсе не вас, а свою машину, — заметил он сухо.

— Надеюсь, вы не испачкались понапрасну.

Мужчина уже снова смотрел на лошадей. Клерфэ перевел глаза на женщину. «Ах вон что, — пронеслось в голове. — Этот желает остаться в героях сам».

— Нет, не испачкался, — отчеканил он в ответ. — Меня не так-то просто испачкать.

Санаторий «Белла Виста», водрузившись на пригорке, на деревню поглядывал свысока. Клерфэ поставил машину на площадке перед воротами,

где в ожидании седоков дежурили на санях ямщики. Он заглушил мотор, потом накрыл капот кожухом, чтобы не остыл.

— Клерфэ! — донеслось до него издали.

Он обернулся и, к немалому своему изумлению, увидел Хольмана, который уже бежал к нему по дорожке. А он-то думал, что Хольман лежачий.

— Клерфэ! — орал Хольман. — Неужто это правда ты?

— Как видишь. А ты, как я погляжу, на ногах. Я-то думал, ты лежачий.

Хольман рассмеялся:

— Лежачий — это здесь немодно. — Он дружески хлопнул Клерфэ по спине, а сам не отрывал глаз от машины. — Я рев нашего «Джузеппе» еще издали услышал, но решил, что почудилось. Ну а потом увидел, как вы с ним в горку взлетаете. Вот уж сюрприз так сюрприз! Ты откуда?

— Из Монте-Карло.

— Ну надо же! — Хольман все никак не мог успокоиться. — Да еще на «Джузеппе», на нашем старикане «Джузеппе». А я-то думал, вы совсем меня позабыли.

Он ласково погладил корпус машины. Еще бы — он как-никак полдожины гонок на штурманском месте в «Джузеппе» отбарабанил. Да и первое серьезное кровотечение у него тоже прямо в машине открылось.

— Ведь это все еще наш старина «Джузеппе», верно? Или уже его младший брат?

— «Джузеппе», он самый. Только уже не гоняется. Я выкупил его у фирмы. Он теперь на покое.

— Как и я.

Клерфэ вскинул глаза:

— Ты-то не на покое. Ты в отпуске.

— Уже целый год! Какой там, к черту, отпуск! Но пошли же! Таковую встречу — и не отметить? Что ты пьешь? По-прежнему водку?

Клерфэ кивнул:

— А у вас что — и водку подают?

— Гостям — все что угодно. У нас тут все современному.

— Похоже на то. С виду вообще отель как отель.

— Это тоже входит в курс лечения. Новомодная теория. Мы как бы не пациенты, а просто на курорте. Слова «болезнь» и «смерть» вообще под запретом. Их как бы и не существует вовсе. Прикладная психология. Якобы очень укрепляет моральный дух; хотя люди все равно мрут. А в Монте-Карло зачем? В ралли участвовал?

— Ну да. Ты что, про спорт даже не читаешь?

Хольман на миг смутился:

— Сначала читал. А потом бросил. Идиотство, да?

— Да нет, разумно. Еще начитаешься, когда снова ездить начнешь.

— Ну да, — хмыкнул Хольман. — Когда снова ездить начну. Когда сорву самый большой куш в лотерею. С кем ты на ралли-то ехал?

— С Торриани.

Они уже подходили к подъезду. Склоны вокруг окрасились багрянцем заката. Лыжники черными запятыми проносились по розовым сугробам.

— Красиво тут у вас, — заметил Клерфэ.

— Ага, красивенькая тюрюга.

Клерфэ промолчал. Он видывал совсем другие тюряги.

— Ты теперь постоянно с Торриани ездешь? — спросил Хольман.

— Да нет. То с одним, то с другим. Тебя жду.

Это была неправда. Вот уже полгода на всех гонках у него напарником был Торриани. Но раз уж Хольман не следит больше за спортивными новостями, ложь сорвалась с языка сама собой.

И подействовала на Хольмана не хуже выпивки. На лбу у него внезапно выступили бисеринки пота.

— Что-нибудь словил на ралли? — спросил он.

— Да нет. Поздновато пришли.

— Откуда ехали?

— Из Вены. Идиотская затея. Каждый советский патруль нас останавливал. Как будто мы самого Сталина похитили или динамит везем. Да я и не собирался выигрывать, только новую машину обкатать. Ну и дороги у них там, в советской зоне, скажу я тебе! Каменный век.

Хольман рассмеялся:

— Отомстил-таки советский Джузеппе* своему тезке! А до того — где еще гонялся?

Клерфэ предостерегающе вскинул руку:

— Давай лучше выпьем. И сделай одолжение, хотя бы в первые дни, ради меня, будем говорить о чем угодно, только не о гонках и не о машинах.

— Клерфэ, старина! О чем же еще?

* В журналистском обиходе стран Запада, особенно в политической карикатуре, имя Иосифа Сталина часто фигурировало в итальянско-мафиозном варианте: Джузеппе.